

МИЛАН МАРИКОВИЧ

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО

3

КОРОЛЕВСТВО НА ПОДПОРКАХ

ПОПАДАНЕЦ. ИНЖЕНЕР. НОВЫЙ МИР.

НАСТОЯЩИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Милан Марилович

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО.
Книга 3. Королевство
на подпорках

«Автор»

2026

Марикович М.

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО. Книга 3. Королевство на подпорках
/ М. Марикович — «Автор», 2026

Алексей Лавров двадцать лет обследовал аварийные здания и знал: само ничего не ломается. Поэтому, очнувшись после обрушения в чужом теле, с чужими долгами и в мире, где воду запускают заклинанием, он первым делом спросил не «где я», а «кто менял настройки». Королевство Тарвен живёт на древней магической сети, которую никто не понимает: маги поют машинам Слова, гильдия бережёт свои тайны, а столица тихо выкачивает силу из провинций. Алекс не умеет колдовать. Зато он умеет мерить, считать, признавать ошибки и учить людей. Этого хватает, чтобы чинить невозможное: городской водопровод, дороги, которые исчезают с карт, систему, которую столица держит в кулаке. Только чем лучше он чинит, тем внимательнее за ним следят. Пять романов о мастере, который строит не чудеса, а сеть, где каждый город может выстоять сам. С юмором, инженерной смекалкой и командой, которой хочется доверить собственный дом.

© Марикович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Столица в полутьме	5
Глава первая. Въезд по пропуску	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО.

Книга 3. Королевство на подпорках

Часть первая. Столица в полутьме

Глава первая. Въезд по пропуску

Ардаград я увидел ночью, с холма, за день пути до ворот, и сначала решил, что это пожарище.

Внизу, в широкой долине, где Ветла делала петлю, лежал город. Огромный. Больше Кривобродска раз в двадцать. Может, в пятьдесят. Холмы, застроенные до самых вершин. Стены. Башни. Мосты. И всё это лежало в темноте. Не в полной. В пятнистой. Как лежит костёр, который почти догорел: где-то ещё тлеют угли, где-то уже только пепел.

Верхушки холмов светились. Ровно, голубовато, тем же светом, что вода в канавах Кривобродска. Склоны — местами. Отдельными пятнами, улицами, кварталами. А низ, у реки, где город был гуще всего, лежал почти чёрным. Только кое-где мерцали жёлтые точки. Свечи. Как в Нижнем квартале Кривобродска в ту ночь, когда мы закрыли задвижки.

А над всем этим, на самом высоком холме, стояла башня.

Высокая. Тонкая. Тёмная. И от её вершины во все стороны расходились лучи. Восемь. Бледные, голубые, едва заметные на фоне звёзд. Как спицы огромного колеса, лежащего на городе плашмя.

— Башня и восемь лучей, — сказал Грим. Он стоял рядом со мной у края дороги и смотрел вниз. — Как на печати.

— Это не как на печати, — сказала Ирма. Она смотрела в стекло. — Это печать как на этом.

Велар долго молчал.

— Ядро, — сказал он наконец. — Ведомство магической инфраструктуры. Сердце столицы. — Он помолчал. — Я был в Ардаграде четыре раза за двадцать лет службы. Каждый раз эти лучи светились так, что было видно с перевала за сорок вёрст. — Он посмотрел вниз. — Сейчас их едва видно отсюда.

Я смотрел на бледные лучи над тёмным городом. Королевство двадцать лет выкачивало силу из каждой провинции. Из Кривобродска — вздохами. С тракта — через камни. Из Брода — четыре пятых. Всё это текло сюда, по толстым линиям, в эту башню. И столица всё равно лежала в темноте.

Как богач, подумал я, который ворует у всех и всё равно ходит в штопаных носках. Потому что всё уходит не на него, а в какую-то бездонную дыру, о которой он сам толком не знает.

Мы встали лагерем у дороги, в рощице, на склоне холма. Последний ночлег перед воротами. Грим развёл костёр. Велар раскладывал свою папку, в которой, кажется, было уже больше бумаги, чем в архиве Кривобродска. Параграф и Аванс щипали траву рядом, бок о бок, как старые знакомые.

Ирма сидела у края рощицы и смотрела на город.

Я подошёл и сел рядом. Долго молчал. Она не торопила.

— Ардаград, — сказал я наконец.

— Ардаград, — согласилась она.

— Я обещал. Первой — тебе.

Ирма не повернула головы. Смотрела на бледные лучи над башней. Но я видел, как у неё напряглась спина.

— Ты должен мне три, — сказала она. — Что ты увидел на скале. Почему побелел. За что дрожали руки.

— Знаю.

— Начни с первого.

Я подумал, с чего начать. Сколько раз я репетировал этот разговор за две недели дороги от Перевала. Сколько раз начинал по-разному. С архива Мальвена. С камня под палатой. С Ремеза. С Зои. Ни одно начало не годилось.

Тогда я начал с самого простого.

— Меня зовут Алексей, — сказал я. — Алексей Лавров. Мне тридцать девять лет. Я инженер. Я обследую аварийные здания. Почти двадцать лет. — Я помолчал. — В городе, который называется Москва. В мире, где нет никакой магии. Где свет в домах горит от проводов, а вода течёт по трубам без всяких Слов. Где никто не слышал о Тарвене.

Ирма молчала.

— Четыре месяца назад, — сказал я, — я стоял на третьем этаже большого здания. С трещиной в колонне. Я знал, что оно рухнет. Я сказал заказчику, чтобы выводил людей. Он не стал. Я пошёл фотографировать трещину. — Я помолчал. — А потом был звук. А потом я проснулся на полу мастерской в Кривобродске. В теле Лавра. С его долгами. С его клеймом. И с его соседом, который колотил в дверь, потому что у него затопило подвал.

Ирма молчала. Долго. Я слушал, как трещит костёр за спиной, как Грим что-то ворчит Велару, как жуёт траву Параграф.

— Карта на скале, — сказала она наконец. Голос был ровный. — Капля с лучом. У Кривобродска.

— Камень прибытия, — сказал я. — Я прибыл через камень под Водяной палатой. Как Зоя — через камень на Перевале. Капли — это мы. Те, кого камни взяли. Это первое «потом».

— Почему побелел?

— Потому что понял, что меня не просто занесло. Меня взяли. Камень. Или кто-то через камень. А Сыч называет меня носителем. И в письмах «А. С.» было написано: «Носитель подготовлен. День прибытия». — Я помолчал. — Меня ждали. Только не там. Это второе «потом».

Ирма повернулась ко мне.

Я ждал всего. Что она отшатнётся. Что скажет, что я сумасшедший. Что встанет и уйдёт, не хлопнув дверью. Что спросит, где тогда настоящий Лавр.

Она сказала:

— Я знала, что ты не Лавр.

— Знала?

— С первого дня. На чердаке у Грима. Лавр со мной не спорил. Лавр не смотрел в излом. Лавр не говорил «интересно». — Она помолчала. — Я думала, может, он ударился головой. Может, бросил пить и стал другим. Люди меняются. — Она посмотрела на меня долго. — Я не знала, что настолько.

— Насколько, — сказал я.

— Другой мир.

— Другой мир.

— Где свет от проводов.

— От проводов.

Ирма отвернулась. Снова посмотрела на город. На бледные лучи.

— Вот почему ты всё время говоришь «у нас», — сказала она. — А потом поправляешься.

— Вот почему.

— И «аэродинамическая труба». И «кран Маевского». И «источник бесперебойного питания». — Она помолчала. — Я думала, это ты сам придумываешь слова. Как я придумала «таль».

— Это не я. Это у нас так называется.

— А «таль» у вас есть?

Я подумал.

— Нет, — сказал я. — «Таль» — это только здесь. Это твоё.

Ирма долго молчала. Потом вдруг, совсем тихо, почти неслышно, засмеялась.

— Значит, у меня есть что-то, чего нет в твоём мире, — сказала она.

— Много чего, — сказал я. — Стекло. Слова. «Таль». Обратное Слово, которым ты ослепила двух проводников.

— Это немного, — сказала Ирма.

— Для одного мира — достаточно.

Она повернулась ко мне. Глаза в темноте были очень серьёзные.

— Осталось третье, — сказала она. — За что дрожали руки.

Я посмотрел на неё. На бледное лицо в свете далёких лучей. На шрам на скуле, почти заживший.

Я хотел сказать. Правда хотел. Я даже набрал воздуха.

— Мастер! — гаркнул от костра Грим. — Каша! Остынет — будешь сам жевать холодную!

Ирма закрыла глаза. Потом открыла. В них было что-то среднее между досадой и смехом.

— Потом, — сказала она.

— Потом, — согласился я.

— Это последнее «потом», Лавр, — сказала Ирма, вставая. — Я считаю.

Она пошла к костру. Я посидел ещё немного, глядя на тёмный город. Потом пошёл следом.

Грим, раскладывая кашу, посмотрел на меня подозрительно.

— Я что-то испортил? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Ты сделал перерыв на обед. В моём мире это называется «вовремя».

К воротам Ардаграда мы подъехали на следующий день, к вечеру.

Ворота были огромные. Каменные, двойные, с башнями по бокам. Над аркой — герб. Корона. Под короной — меч и ключ. А ниже, мельче, но новее, вырезанная в камне позже, — башня с восемью лучами. Как будто ведомство пришло и приписало себя к короне снизу, как приписывают свою фамилию к чужому договору.

У ворот стояла очередь. Телеги, кареты, пешие. И стража. Двое в синих мундирах с коронами. И один в сером. С башней на груди.

Перед воротами, на стене, висела доска. Большая. Деревянная. Аккуратно расписанная белой краской.

«Распорядок освещения города Ардаграда.

Верхний ярус: от заката до рассвета.

Средний ярус: от заката до полуночи.

Нижний ярус: по чётным дням — от заката два часа. По нечётным — по особому распорядку.

Причал и слободы: не освещаются.

Ведомство магической инфраструктуры напоминает: экономия света — долг каждого гражданина».

Я перечитал доску дважды. Потом позвал Велара. Велар прочитал и молча достал папку.

— Свет по графику, — сказал Грим. — Как вздохи.

— Как вздохи, — сказал я. — Только наоборот. В Кривобродске у нас свет забирали по графику. А здесь его выдают.

— А разница?

— Разница в том, — сказал я, — что в Кривобродске мы не знали, что его забирают. А здесь знают, что его выдают. И благодарят.

«Экономия света — долг каждого гражданина». Я смотрел на эту строчку и вспоминал свой мир. Плакаты в подъездах. «Уходя, гасите свет». «Берегите воду». «Экономьте энергию». Их вешали люди, которые сами жили в домах, где свет не гас никогда. А те, кто читал плакаты, и так экономили. Потому что платили.

Здесь было то же самое. Город, который высасывал силу из целого королевства, просил своих жителей экономить. По ярусам. Снизу вверх. Нижние экономили больше. Верхние — не экономили вовсе.

Это был, подумал я, город, который экономит сам на себе. Вернее, на той своей части, которая не может пожаловаться.

Подошла наша очередь.

Стражник в синем посмотрел на нас. На телегу. На Параграфа. На мундир Велара.

— Цель въезда?

Я достал письмо. Белое. С короной. Протянул.

Стражник взял. Прочитал. Перечитал. Посмотрел на подпись. Побледнел. Посмотрел на меня. Потом на второго стражника. Второй подошёл, прочитал, тоже побледнел.

— Лично... — сказал первый. — Его величество лично...

— Лично, — подтвердил Велар.

И тут подошёл третий. Тот, что в сером. С башней на груди.

Он был немолодой, сухой, с тонкими губами и цепким взглядом. Он не взял письмо. Он посмотрел на меня. Долго. Как смотрят на вещь, которую давно ищут по описи.

— Ремесленник Лавр, — сказал он. Не спросил. — Из Кривобродска.

— Мастер Лавр, — поправил Велар.

— Ремесленник, — повторил серый, не глядя на Велара. — Допуск приостановлен. Ведомство магической инфраструктуры. — Он достал из-за пазухи бумагу. Серую. С башней. — Предписание о доставке на освидетельствование. В Академию. Немедленно по прибытии.

Он протянул руку. Не к письму. Ко мне. К моему локтю.

Велар шагнул между нами.

Он сделал это спокойно. Без резкости. Просто встал. В застёгнутом под горло мундире, с папкой под мышкой. Ровно между мной и рукой серого.

— Королевский инспектор сооружений Велар Норн, — сказал он. — Мастер Лавр въезжает в город по личному приглашению его величества. Письмо при нём. — Велар взял письмо из рук побледневшего стражника и поднял его так, чтобы серый видел корону. — Личное приглашение короля имеет преимущество перед любым ведомственным предписанием. Уложение о королевской прерогативе. Пункт первый. — Он помолчал. — Пункт первый, господин. Первее не бывает.

Серый посмотрел на корону. На Велара. На меня.

— Освидетельствование, — сказал он медленно, — всё равно состоится.

— Безусловно, — согласился Велар. — После того, как мастер явится к его величеству. В порядке очерёдности. Сначала король. Потом ведомство. — Он сделал паузу. — Так записано.

Серый молчал секунду. Две. Потом убрал свою бумагу.

— Завтра, — сказал он. — Академия. Утром. После аудиенции. — Он посмотрел на меня ещё раз. — Объект будет освидетельствован.

Он отошёл. Стражник в синем, всё ещё бледный, вернул письмо Велару и махнул рукой: проезжайте.

Мы проехали под аркой. Под короной. Под мечом и ключом. Под башней, приписанной снизу.

Внутри ворот город начинался сразу. Узкие улицы, высокие дома, вывески, лавки. Люди. Много людей. И темнота.

Это был Нижний ярус. Сегодня было нечётное число. Свет — «по особому распоряжению». Особого распоряжения, видимо, не было.

На улицах горели свечи. В окнах. На прилавках. У дверей. Жёлтые, тёплые, неровные. Люди ходили с фонарями. Масляными. Старыми. Как у вдовы Греты в Кривобродске, когда мы закрыли задвижки.

А над головой, высоко, на вершинах холмов, светилось голубым. Ровно. Спокойно. Как будто там был другой город. Другой мир.

Ирма подняла стекло. Посмотрела вверх. Потом вниз, на мостовую. Потом снова вверх.

— Всё течёт туда, — сказала она тихо. — Вверх. Всё. Даже здесь. Даже отсюда. Тонко, едва-едва, но течёт. Из каждого дома. Из каждой улицы. Вверх. К башне.

— Даже отсюда? — спросил Грим. — Тут же темно. Что тут брать?

— Последнее, — сказала Ирма.

Мы поднимались по улицам вверх, к Среднему ярусу, где нас, по письму, ждали на постоялом дворе при дворце. С каждым поворотом становилось светлее. На Среднем ярусе горели фонари. Голубые. Магические. До полуночи. На Верхнем — я видел его вдалеке — сияло, как днём.

А над всем этим стояла башня с восемью лучами. Бледными. Слабыми. Едва видимыми на ночном небе.

Велар ехал рядом со мной на Параграфе и молчал. Только на одном повороте, когда мы проезжали мимо дома, у которого в окне горела одна свеча, а на пороге сидела старуха и вязала при её свете, он вдруг сказал:

— Четыре раза я был в Ардаграде. Каждый раз — на Верхнем ярусе. Каждый раз — по служебным делам. В ведомстве. В министерстве. — Он помолчал. — Я ни разу не спускался ниже Среднего. Не было нужды.

— А теперь?

Велар посмотрел на старуху со свечой.

— А теперь, — сказал он, — я не понимаю, как я мог не спускаться.

Вечером, на постоялом дворе, я записал:

«Журнал. Ардаград. День первый.

Ночью, с холма, город выглядел как догоревший костёр. Верхушки холмов светятся, низ — тёмный, свечи. Над всем — башня Ядра с восемью лучами. Бледными. Велар: двадцать лет назад их было видно за сорок вёрст.

Королевство двадцать лет выкачивает силу в столицу. Столица лежит в темноте. Как богач, который ворует у всех и ходит в штопанных носках.

Рассказал Ирме, кто я. Алексей. Москва. Инженер. Другой мир. Ответил на два потом из трёх.

Ирма: Я знала, что ты не Лавр. С первого дня. Не знала, что настолько. И: Значит, у меня есть что-то, чего нет в твоём мире. Таль.

Третье потом не успел. Грим позвал к каше. Ирма: Это последнее «потом». Я считаю.

У ворот — доска: распорядок освещения по ярусам. Верхний — всю ночь. Нижний — по чётным, два часа. Экономия света — долг каждого гражданина. Город, который экономит сам на себе. На той своей части, которая не может пожаловаться.

Серый с башней на груди хотел забрать меня у ворот. На освидетельствование. Велар встал между: Личное приглашение короля имеет преимущество. Пункт первый. Первее не бывает. Серый: Завтра. Академия. Объект будет освидетельствован.

Нижний ярус — в темноте. Нечётное число. Ирма: всё течёт вверх, к башне. Даже отсюда. Последнее.

Белар: Я четыре раза был в Ардаграде и ни разу не спускался ниже Среднего яруса. Теперь не понимаю, как мог не спускаться.

Завтра — король. Потом Академия. Освидетельствование объекта».

Я закрыл журнал. За окном постоянного двора, на Среднем ярусе, гасли фонари. Полночь. По графику.

Где-то там, на самом верху, в башне с восемью лучами, был человек, котор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.